

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Л. А. Файнберг

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ

Осознание времени — одна из особенностей, отличающих человека от животных. Раз возникнув, оно не остается неизменным. На последовательных этапах истории человечества у людей различных культур и восприятие времени, и представления о нем весьма различны и находятся в разном соотношении с объективным физическим или астрономическим временем. В настоящей статье высказываются предположения о возникновении осознания времени в первобытном обществе и приводятся некоторые данные о специфике представлений о времени в доклассовую эпоху. На наш взгляд, изучение систем времени может способствовать познанию образа жизни и психологии наших далеких предков.

Животные, включая обезьян, не осознают время, хотя и воспринимают его в какой-то мере. Даже в животном мире существует предварение ближайшего будущего. Это так называемое «предваряющее», «упреждающее» отражение (по терминологии И. М. Сеченова и И. П. Павлова) или «опережающее отражение действительности» (по терминологии П. К. Анохина). Суть этого процесса заключается в том, что «с помощью нейтрального условного раздражителя, предшествующего в своем возникновении безусловному, организм предупреждается и подготавливается к воздействию безусловного»¹. Опережающее отражение действительности может реализоваться на разных уровнях. Благодаря наличию в каждом организме физиологического отсчета времени, своего биологического ритма, организм заранее производит соответствующие подготовительные действия, необходимые для приспособления к последующим изменениям среды обитания. Так, даже существа, находящиеся на низких ступенях эволюционной лестницы, например устрицы, производят подготовительные действия перед наступлением прилива. Как отмечает В. С. Тюхтин, это — опережающее отражение на уровне инстинктивных реакций². К такому же инстинктивному уровню опережающего отражения относится изменение окраски шкуры или впадение в спячку некоторых видов млекопитающих перед наступлением зимы³. Однако, как показали новые исследования упреждающего отражения у животных, оно может совершаться не только за счет инстинктивных реакций и условных рефлексов, но и в результате элементарной рассудочной деятельности. Это было показано Л. В. Крушинским в его исследованиях способностей животных к экстраполяции. Под последней понимается «возможность конкретного решения задачи, в которой животному необходимо вынести

¹ В. С. Тюхтин. Чувственное отображение пространственно-временных отношений. — В кн. «Пространство, время, движение», М., 1971, с. 255.

² В. С. Тюхтин. Указ. раб., с. 257.

³ Я. Ф. Аскин. Направление времени и временная структура процессов. — В кн. «Пространство, время, движение», с. 77.

известную функцию на определенном отрезке за его пределы»⁴. Экспериментальное изучение данного вопроса привело к выводу, что у некоторых видов животных и птиц (лисы, собаки, врановые птицы) большой процент особей решает многие экстраполяционные задачи. Иными словами, можно сказать, что подобные животные способны строить мысленную модель будущего. Л. В. Крушинский подчеркивает, что первоначально экстраполяция требует наличия элементарной рассудочной деятельности и лишь при многократном повторении становится условно-рефлекторной формой поведения⁵.

Таким образом, новые исследования биологов на большом фактическом материале подтверждают мысль Ф. Энгельса о том, что «у животных способность к сознательным планомерным действиям развивается в соответствии с развитием нервной системы и достигает у млекопитающих уже достаточно высокой ступени». В качестве примера Ф. Энгельс ссылаясь на уловки лисицы во время псовой охоты на нее и на акты хитрости домашних животных, «стоящие на одинаковом уровне с такими же актами у детей»⁶.

Развивая идеи Энгельса, Л. В. Крушинский подчеркивает, что в ходе прогрессивного развития способность мозга к «построению программ адаптивного поведения в будущем непрерывно росла», и на определенном этапе, «развившись до чрезвычайной степени, рассудочная деятельность оказалась тем фундаментом, на котором при наличии соответствующих анатомических особенностей смогли возникнуть сложнейшие и многообразнейшие формы социально-трудовых отношений, осмысленная передача информации о прошлом, настоящем и будущем при помощи речи»⁷.

Итак, способность животных с развитым мозгом к экстраполяции, к определенному планированию своего поведения в будущем может рассматриваться как предпосылка осознания человеком времени.

При этом надо не забывать, что животные предвеляют лишь самое близкое будущее, непосредственно следующее за настоящим. Даже шимпанзе, по образному выражению Г. Вио, «находится более или менее в ловушке настоящего»⁸. Сходные результаты дают и наблюдения над низшими обезьянами, показывая, что последние всегда связаны своими сенсорными анализаторами с окружающим их настоящим⁹.

Осознание человеком времени представляет собой качественно новый этап развития психики, добавляя в восприятие окружающего человеком новое измерение. Наряду с представлениями о настоящем уже у древних людей появляются представления о прошлом и будущем. Этому способствовало возникновение внутренней мотивации решения, что давало возможность временно ослаблять связь с настоящим и, мысленно отключаясь от него, вспоминать прошлое, сознательно планировать будущее и тем самым значительно расширять, по сравнению с животными, рамки восприятия времени и использования его в своих целях. На большое значение такого временного отключения от настоящего обращал внимание, в частности, Дж. Уитроу, подчеркивавший, что «растущее освобождение человеческой мысли от господства непосредственных чувственных впечатлений неизбежно сопровождалось развитием человеческого осмысления времени и человеческих представлений о вселенной»¹⁰. По мнению

⁴ Л. В. Крушинский. Элементарная рассудочная деятельность животных и ее роль в эволюции. — В сб. «Философия и теория эволюции», М., 1974, с. 160.

⁵ Л. В. Крушинский. Роль элементарной рассудочной деятельности в эволюции групповых отношений животных. — «Вопросы философии», 1973, № 11, с. 121, 122, 130.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 495.

⁷ Л. В. Крушинский. Роль элементарной рассудочной деятельности..., с. 129, 130.

⁸ G. Vioud. Intelligence: its evolution and forms. London, 1960, p. 80.

⁹ G. Clark. Aspects of prehistory. Berkeley, 1970, p. 124, 125.

¹⁰ Дж. Уитроу. Естественная философия времени. М., 1964, с. 78.

Уитроу, «возникновение современного человека было связано с резко возросшей тенденцией смотреть вперед»¹¹. Доказательство этого названный ученый усматривает, в частности, в быстром развитии орудий для создания и использования в будущем других орудий.

Несомненно, что в развитии осознания времени и представлений о нем большую роль сыграло развитие языка с его различными средствами выражения временных отношений. Но это большая отдельная тема, и мы не будем касаться ее в данной статье.

Начав осознавать время и расширив рамки своего восприятия времени в прошлое и в будущее, человек, как справедливо отмечает Ф. Куммель, научился устанавливать связи между прошлым, настоящим и будущим. При этом будущее, по его мнению, представляет возможность, а прошлое — фундамент для жизни в настоящем¹².

По-видимому, осознание временных категорий, дальность углубления в прошлое и в будущее росли постепенно, по мере эволюции человечества (некоторые аргументы в пользу такого предположения мы приведем ниже), но представляется несомненным, что люди уже на заре своей истории не жили только настоящим. Такое убеждение может быть обосновано, исходя из данных археологии. Как отмечает С. Брендон, чей взгляд по данному вопросу мы разделяем, изготовление орудий труда предусматривает не только их будущее использование, но также использование прошлого в интересах будущего. Таким образом, изготовление орудий требует сознательного учета трех временных категорий — прошлого, настоящего и будущего. Доказательством того, что люди верхнего палеолита изготавливали свои орудия не инстинктивно, а сознательно, является, по мнению Брендона, разнообразие этих орудий¹³.

Как мы знаем, в последние 10—15 лет выяснилось, что значительное число типов орудий имелось не только в верхнем, но уже в нижнем палеолите — в ашеле и мустье. Поэтому, нам кажется, исходя из этого признака можно предполагать, что архантропы и палеоантропы в какой-то мере осознавали прошлое и будущее, а не жили только в настоящем. В недавно вышедшей работе сибирский археолог Б. А. Фролов подчеркивает в этой связи, что мустьерскому охотнику для того чтобы убить и разделать зверя с помощью орудий, надо было сначала изготовить инструменты для выделки этих орудий, для чего прежде всего надо было приготовить наковальню, орудия для изготовления инструментов и т. д. Б. А. Фролов обоснованно отмечает, что усложнение схемы деятельности человека, обилие типов орудий в мустье говорят «о способности их создателей лучше предвидеть предстоящие задачи и трудности своей деятельности», и что «у мустьерцев на более высокий уровень поднялось опережающее отражение действительности...»¹⁴. По мнению как С. Брендона, так и Б. А. Фролова, «орудия и куски звериной туши в могилах сородичей — тоже один из моментов „опережающего отражения“, — не существующих еще в действительности, но возможных в будущем, по мысли мустьерцев, потребностей члена общины»¹⁵.

Встречается, правда, в литературе и противоположное мнение, продолжающее старую идею М. Гюйо, что первобытный человек жил, как животные и дети, только в настоящем¹⁶. Например, подобного взгляда придерживается психолог Д. Г. Элькин, полагающий, что первобытный человек — «весь в настоящем, не ставит никаких целей в будущем, не

¹¹ Там же, с. 72.

¹² F. Kummel. Time of succession and the problem of duration.— «The voices of time», N. Y., 1966.

¹³ S. Brandon. Time and the destiny of man.— «The voices of time», p. 140, 141.

¹⁴ Б. А. Фролов. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974, с. 103.

¹⁵ Там же, с. 104.

¹⁶ М. Гюйо. Происхождение идеи времени. СПб., 1899, с. 21—26.

продолжает преемственно начатого в прошлом»¹⁷. Нам представляется, что при современном уровне знаний о культуре первобытных людей подобная точка зрения не может быть принята, так как она не учитывает археологических материалов, из которых, как мы видели, явствует, что люди палеолита в своей деятельности и продолжали начатое в прошлом, и ставили цели в будущем.

Другим (кроме орудий) свидетельством осознания древними людьми всех трех категорий времени, а не только настоящего, является палеолитическое искусство, некоторые особенности которого были, по одной из наиболее распространенных точек зрения, тесно связаны с промысловой магией. Она же, как и всякая магия, имеет своей целью воспроизвести в будущем какое-то желательное событие. Если такой взгляд верен, то справедливо утверждение о том, что, рисуя раненое животное по воспоминаниям, палеолитический художник «создавал потребное будущее». Известное изображение танцующего колдуна, одетого в шкуру и увенчанного рогами, в пещере Трех братьев (Франция) также можно толковать как стремление увековечить посредством живописи магический обряд, т. е. использовать прошлое в интересах будущего¹⁸. Таким образом, уже у людей палеолита имело место «разумное планирование, предвосхищение будущего в свете прошлого и применение усилий в настоящем для целей, реализуемых в будущем»¹⁹.

Осознание древнейшими людьми всех трех категорий времени сыграло большую роль в их развитии. Способность планировать будущее, опираясь на прошлое, давала человеку еще одно преимущество в борьбе за существование по сравнению с другими видами живых существ, более быстрых, более сильных и т. п. Можно утверждать, что без осознания, наряду с настоящим, прошлого и будущего, осознания, развивавшегося параллельно и во взаимосвязи с развитием трудовой деятельности, было бы невозможно возникновение культуры, создание материальных и духовных ценностей, служащих многим поколениям.

По-видимому, почти одновременно с возникновением первых представлений о прошлом и будущем возникло и осознание ограниченности временных рамок индивидуального человеческого существования. Очень возможно, что так называемые палеолитические Венеры — фигурки с гипертрофированными женскими признаками — в какой-то степени свидетельствуют о внимании людей того времени к рождению, а возникновение еще в мустьерскую эпоху погребений доказывает такое же внимание к смерти.

По мнению С. Брендона, в результате первоначального осознания временных рамок индивидуального существования, т. е. смертности человека, возникает глубокое чувство духовной неуверенности, и это, наряду с трудовой деятельностью, еще одна причина, почему люди не могли жить подобно животным, погружаясь в настоящее. Возникла надежда, что живые позаботятся о мертвых. Окрашивая покойников охрой, обеспечивая их пищей и орудиями труда, люди палеолита жертвовали своими ограниченными сегодняшними ресурсами ради благополучия в будущем. Ссылаясь на подобные факты, С. Брендон высказывает предположение, что «из чувства неуверенности в будущем, порожденного осознанием времени, первоначально возникла та сложная реакция надежды и страха, которую мы называем религией»²⁰. Не разделяя идею, что осознание временной ограниченности жизни отдельного человека является основной причиной возникновения религии, мы вместе с тем думаем, что существует определенная взаимосвязь между осознанием временных рамок жизни человека и возникновением веры в загробную жизнь. Этот

¹⁷ Д. Г. Элькин. Восприятие времени. М., 1962, с. 213.

¹⁸ S. Brandon. Указ. раб., с. 141, 142.

¹⁹ Там же, с. 142, 143.

²⁰ S. Brandon. Указ. раб., с. 144, 145.

вопрос требует специального рассмотрения, которое невозможно предпринять в рамках настоящей статьи. Во всяком случае гипотезы о связи возникновения идеи времени с трудовой деятельностью, с добыванием средств к существованию и об осознании времени как факторе в возникновении религии кажутся нам несравненно более убедительными, чем по существу противоположная гипотеза И. В. Бестужева-Лады, согласно которой первоначально люди жили в настоящем, а представления об ином «ненастоящем» времени являются результатом появляющихся не ранее мустье представлений о загробном мире²¹. Мы убеждены, что источник осознания времени — трудовая деятельность, а не религия.

Возникнув у древнейших людей в эпоху нижнего палеолита, сознательное восприятие времени, представления о его свойствах не оставались неизменными на протяжении истории человечества. Например, как это было прекрасно показано А. Я. Гуревичем в его исследовании о категориях средневековой культуры, временные представления варваров, людей античной эпохи и средних веков во многом отличались от представлений о времени, господствующих в развитых обществах наших дней²².

Так, для варваров характер протекания времени, длительность отдельных временных отрезков определялись заполненностью их какими-то конкретными событиями. А раз время было «вещественно», его можно было «упорядочивать и разделять», «предрекать и изменять его содержание», в частности с помощью магии. Время могло быть хорошим и дурным и т. п.²³. У многих народов Древнего Востока и античности господствовало циклическое восприятие времени или время воспринималось в статике: «сменяющие друг друга эпохи повторяются, и некогда существовавшие люди и явления вновь возвратятся по истечении „великого года“ пифагорейской эры»²⁴. Особенностью же восприятия времени в средние века была его двойственность, проистекавшая из слияния библейского времени и времени собственной жизни²⁵.

В целом для докапиталистических, особенно древневосточных, обществ был также в большей или меньшей степени характерен антиисторизм (в нашем понимании этого слова) в восприятии времени. Видимо, прав А. Турсунов, что «раннеисторическому сознанию по существу было свойственно статическое миропонимание, которому чуждо представление о направлении времени»²⁶. Векторное время лишь постепенно выступало на первый план, по сравнению с другими формами осознания времени. Одновременно с этим шел процесс абстрактизации времени, отрыва от вещественного содержания, которым его наполняли люди предшествующих эпох. Как выражает эту мысль А. Леруа-Гуран, сначала происходит «одомашнивание» времени людьми, а затем его экстерниоризация²⁷.

Временные восприятия в первобытном обществе также имели свои особенности. Некоторое представление о них можно получить, знакомясь с восприятием и идеями о времени, бытовавшими у охотников, собирателей и самых примитивных земледельцев нового и новейшего времени.

²¹ И. В. Бестужев-Лада. Развитие представлений о будущем: первые шаги (презентизм первобытного мышления). — «Сов. этнография», 1968, № 5, с. 123, 124, 131 и др.

²² А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 26—37, 84—138.

²³ Там же, с. 85, 90, 91 и др.

²⁴ Там же, с. 30; см. также J. Needham. Time and knowledge in China and the West. — «The voices of time», p. 129; H. Nakamura. Time in Indian and Japanese thought. Там же, с. 77.

²⁵ А. Я. Гуревич. Указ. раб., с. 84, 127.

²⁶ А. Турсунов. Направление времени: новые аспекты старой проблемы. — «Вопросы философии», 1975, № 3, с. 62.

²⁷ A. Leroi-Gourhan. Le geste et la parole, v. II — «La mémoire et les rythmes». Paris, 1965, p. 139, 147.

Одно из наиболее характерных отличий их временной системы не только от современной европейской, но и от античной заключалось в отсутствии у них хронологической шкалы времени, подразделенной на равные единицы, соответствующие определенным физическим константам, и уходящей далеко в прошлое и в будущее. Как замечает А. Элькин, много занимавшийся изучением духовной культуры аборигенов Австралии, они обычно не подсчитывали время, не делили его на абстрактные единицы, как это делаем мы. Австралийские аборигены скорее индивидуализировали события, явления, предметы, чем нумеровали и суммировали их²⁸. Когда австралийцы говорили о предстоящем пути, они называли места, через которые надо пройти; назначая встречу, соотносили ее с наступлением каких-то явлений в окружающей природе или поочередно называли периоды года, которые истекли до встречи, но не суммировали их, т. е. не говорили, например, что путь займет столько-то дней или ночей, что мы встретимся через десять дней, через четыре месяца и т. п.

Наблюдения других исследователей, относящиеся к другим народам, подтверждают распространенность у охотников, собирателей и примитивных земледельцев вышеназванной особенности в осознании времени.

Так, по данным К. Хайдера, папуасы дугум дани, живущие на плоскогорьях Новой Гвинеи, информируя о продолжительности пути, называют селения, в которых будут ночевать, но не число ночевок или дней пути. Так же поступали в прошлом солто-оджибве Северной Америки. В Южной Америке у намбиквара (одной из самых примитивных этнографических групп этого континента) год состоял из неопределенного (для намбиквара) числа лунных месяцев. Индейцы канелла Восточной Бразилии хотя и пользовались луной для указания времени, но не знали ни числа фаз луны, ни числа полнолуний в году. Индейцы она фактически различали 11 лунных месяцев года, но, так как сами она умели считать только до 5 или до 6, число месяцев оставалось им неизвестным. Обитатели Венесуэлы и Бразилии — яноама — также не представляли, сколько месяцев в году. Не знали числа лунных месяцев в году и некоторые другие племена Южной Америки²⁹.

Другая характерная черта систем времени в первобытном обществе — их локальность, т. е. учет местных признаков при определении времени, наличие временных координат, действующих только в данном племени или общине, разное число и протяженность подразделений времени у разных этнографических групп.

Так, намбиквара делили день на 6 частей, а яноама на 4. У многих племен и групп племен Южной Америки год состоял из двух сезонов — сухого и дождливого (шаванты, намбиквара, яноама и др.); у яганов год подразделялся на два основных сезона (зима и лето) и два очень коротких промежуточных (весна и осень), а у она — их соседей — в году было четыре сезона примерно равной длительности. У охотников и собирателей Венесуэлы — гуахибо (земледелие у них появилось только в XIX в.) год состоял из 16 месяцев и т. д. Различным было не только число подразделений года, сезона, дня, но и признаки, по которым определялось их начало. Например, у гуахибо один из месяцев начинался, когда черепахи откладывали яйца, другой, когда в результате дождей начинал повы-

²⁸ A. Elkin. Elements of Australian aboriginal philosophy. — «Oceania», v. XL, 1969, № 2, p. 92—95, 98. Ср., например, календари античного мира (Э. Бикерман. Хронология древнего мира. М., 1975).

²⁹ K. Heider. The Dugum Dani. A Papuan culture in the Highlands of Western New Guinea. N. Y., 1970, p. 173, 174; I. Hallowell. Temporal orientation in Western civilisation and in a preliterate society. — «American Anthropologist», v. 39, 1937, № 4, p. 655, 658, 660; Cl. Levy Strauss. The Nambicwara. — «Handbook of South American Indians», v. 3, N. Y., 1963, p. 369; R. Lowie. The Northwestern and Central Ge. Там же. v. 1, p. 517; J. Cooper. The Ona. Там же, v. 1, p. 125; H. Becher. Die Surara und Pakidai. Hamburg, 1960, S. 119; W. Bennett. Numbers, measures, weights and calendars. — «Handbook of South American Indians», v. 5, p. 606.

шаться уровень воды в реках. У эскимосов-нунамиут Аляски были месяцы появления солнца (после полярной ночи), появления птенцов у диких гусей и т. п.³⁰ Часть подобных индикаторов времени колеблется от года к году. Например, дожди могут начаться немного раньше или немного позднее, и, кроме того, их начало может не совпасть даже в довольно близких друг от друга районах, где живут территориальные подразделения одного племени.

Разнообразие в системах времени у разных этнографических групп было тесно связано с различиями в географической среде обитания и хозяйственно-культурными особенностями отдельных народов.

У некоторых из них, например шавантов Бразилии, тив Нигерии, нуэров и многих других³¹, наряду с изменениями в окружающей природе для указания времени широко использовались также события и явления социальной жизни: родовые генеалогии, инициации и т. д. Подобный способ определения времени также отражал его локальное восприятие и был различен у разных коллективов людей. Ведь ссылка на то, что какое-то событие произошло во времена поколения дедов или когда говорящий прошел инициацию, не устанавливала историческое место события для людей, не принадлежавших к данному кругу родственников или соплеменников. Кстати сказать, указанный способ определения времени по поколениям сохранялся кое-где и в позднейшую эпоху. Как писал А. Я. Гуревич, имея в виду древнескандинавское общество, «значение этой формы отношения ко времени, которую можно было бы назвать родовым или семейным временем, определялось преимущественно интровертным характером семейно-родовых групп, ведущих обособленный образ жизни и лишь поверхностно связанных между собой. На каждом хуторе, в поселке, общине время текло, подчиняясь ритму смены поколений и тех немногочисленных и мало разнообразных событий, которые налагали отпечаток на жизнь группы»³².

Во многих доклассовых обществах основными ориентирами во времени служили важные исторические события. Например, микронезийцы островов Гилберта в прошлом указывали и измеряли время по ураганам, пронесавшимся через эти острова, хотя и не через равные промежутки времени, но в среднем раз в семь лет (пользуясь нашим календарем). И вспоминая о чем-то, островитяне говорили — это случилось до такого-то урагана или после него³³.

Еще одной особенностью восприятия времени в обществах охотников и собирателей является сосредоточенность на настоящем, небольшая углубленность в прошлое и в будущее, что находит свое отражение также и в языке. Так, А. Элькин отмечает, что аборигены Австралии были сосредоточены на потребностях и реальностях повседневной жизни. Прошлое у них не простиралось далеко, обычно не дальше поколения прадедов, и рассматривалось как условие для существования людей в настоящем. Что касается мифологического времени австралийцев, то это было своеобразное прошлое, которое не ушло навсегда, а продолжало существовать в настоящем, проявляясь в обрядах и символах³⁴.

³⁰ Cl. Levy Strauss. Указ. раб., с. 369; H. Becher. Указ. раб., с. 119; W. Bennet. Указ. раб., с. 606, 607; J. Cooper. The Yaghan.—«Handbook of South American Indians», v. 1, p. 105; R. Morey. Guahibo time-reckoning.—«Anthropological Quarterly», v. 44, 1971, № 1, p. 29—31; N. Gubser. The Nunamiut Eskimos: hunters of caribou. New Haven, 1965, p. 191; D. Maybury-Lewis. Akwe-Shavante society. London, 1974, p. 155—158.

³¹ D. Maybury-Lewis. Указ. раб., с. 156—158; P. Bohannan. Concepts of time among the Tiv of Nigeria.—«Southwestern Journal of Anthropology», 1953, № 3, p. 257—261; E. Evans-Pritchard. The Nuer. Oxford, 1940, p. 105, 108.

³² А. Я. Гуревич. Указ. раб., с. 89.

³³ O. Freeman. Geography of the Pacific. N. Y., 1951, p. 275—276.

³⁴ A. Elkin. Указ. раб., с. 93.

У нунамиутов внутренних районов Аляски, по наблюдениям Н. Гебсера, все помыслы были сосредоточены на настоящем и в меньшей мере — на самом близком будущем. Нунамиуты редко думали о том, что будет через несколько лет. Что касается прошлого, то, по представлениям нунамиутов, было три вида прошлого. Самый ранний из них назывался *итчак имма* — очень ранние дни. Это было время, когда были «созданы» нунамиуты, а также произошли другие легендарные события. Начало и конец *итчак имма* не датировались ни посредством ссылок на генеалогию, ни каким-либо иным путем. Прошлым, более близким к настоящему, было *ингилагаан* — ранние дни. Начало *ингилагаан* не датировалось, а конец совпадал с началом *ипани* — прошлого, известного человеку по личным воспоминаниям. Когда речь шла о событиях, происшедших в последние три года, их не относили к *ипани*, а употребляли выражения *икуук* — прошлой зимой, *икииткик* — позапрошлой зимой, *икииткикиткик* — позапозапрошлой зимой. Говоря о будущем, нунамиуты употребляли выражения «завтра», «послезавтра», «послепослезавтра», «следующей зимой» или «следующим летом», «в следующем году», «через год». Более отдаленные события будущего обозначались одним, очень общим по своему значению словом³⁵.

Культура других групп эскимосов американского севера, как и культура нунамиутов, также была ориентирована на настоящее. Планирование велось не далее ближайшего будущего. Соответственно в системе спряжения эскимосского языка (диалект инупик) наиболее употребительны времена — настоящее, непосредственное прошлое и ближайшее будущее. Форма, выражавшая отдаленное будущее, редко использовалась. Канадские эскимосы — айвилик, по утверждению Э. Карпентера, мало интересовались хронологической последовательностью событий. Само событие интересовало их больше, чем его место в серии других событий. В мифах айвиликов прошлое фигурировало как атрибут настоящего, т. е. как и у австралийцев, история и мифологические реальности были для айвиликов не прошлым, а вечно присутствовали в настоящем. Небольшую углубленность в прошлое отмечает у шавантов Д. Мейбери Льюис³⁶. Число примеров такого отношения охотников и собирателей, а частично и доклассовых земледельцев, к категориям времени можно было бы умножить, но в этом вряд ли есть необходимость.

Нам кажется, что отмеченные выше и некоторые другие особенности осознания временных процессов в первобытном обществе тесно связаны с неразвитостью представлений об абстрактном времени, времени вообще. У эскимосов Канады, гуахибо Венесуэлы, маэнге Новой Британии, дугум дани Новой Гвинеи и многих других не было ни общего понятия времени, ни соответствующих языковых выражений. Например, нельзя было сказать «потратить время». Время, по представлениям охотников, собирателей, ранних земледельцев, было неотделимо от окружающего мира, составляя часть событий и явлений, происходящих в отдельных обществах, местных особенностей природной среды. Опираясь временными категориями, эти люди все время обращались к конкретным событиям. Интересно заметить, что подобные представления сохранялись и много позднее, в античности. В древнегреческом мировоззрении время было не предметом измерения, а чем-то неотделимым от существующего, «подвижным образом вечности», по выражению Платона, вещью или свойством, присущим богам или людям³⁷. Представления о времени как

³⁵ N. Gubser. Указ. раб., с. 28, 192.

³⁶ R. Gagne. Spatial concepts in the Eskimo language.— В кн.: «Eskimo of the Canadian Arctic». Toronto, 1968, p. 32; E. Carpenter. The timeless present in the mythology of the Aivilik. Там же, с. 39—42; D. Maybury-Lewis. Указ. раб., с. 155.

³⁷ В. П. Гайденко. Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом мировоззрении.— «Вопросы философии», 1969, № 9, с. 89, 98; М. Бунге. Пространство и время в современной науке.— «Вопросы философии», 1970, № 7, с. 81, 82; R. Morey.

о самостоятельной категории возникают лишь в эпоху промышленной революции. Что же касается XX в., с появлением теории относительности время в понимании современной науки снова сливается с окружающим миром в образе четырехмерного пространства-времени, хотя в повседневной жизни людей оно (время) еще воспринимается как самостоятельная категория.

Резюмируя все сказанное, хотелось бы особо отметить, что осознание времени присуще только человеку и является одной из черт, отличающих его от животных. Встречающийся в литературе взгляд, согласно которому первобытные люди жили только в настоящем, не согласуется с данными археологии о довольно высоком уровне развития людей палеолита. Возникший уже тогда интерес как к прошлому, так и к будущему способствовал сохранению преемственности в культуре и ее развитию, а также был одним из факторов, содействовавших появлению религиозных представлений и мифологии (вера в различные формы посмертного существования, космогонические и этногонические мифы и т. д.).

Вместе с тем, исходя из этнографических данных о восприятии времени и представлениях о нем в доклассовых обществах нового и новейшего времени, можно сделать вывод, что первобытные люди не глубоко «проникали» в прошлое и в будущее, так как интересы в основном были сосредоточены на настоящем и в меньшей мере на ближайшем прошлом и будущем. Отдаленное прошлое и будущее для этих людей были неопределенны или носили вневременной характер.

Другими типичными чертами восприятия времени в первобытных обществах, по сравнению с современным, были отсутствие представлений об абстрактном времени и неразвитость его счета, наличие локальных систем указания времени, различных для разных обществ и связанных в одних случаях с местными природными циклами, в других — с обрядовой жизнью племени (соответственно так называемое экологическое и структурное время) или историческими событиями, восприятие времени не как самостоятельной категории, а как части явлений природы и социальной жизни.

Указ. раб., с. 25; K. Heider. Указ. раб., с. 174; R. Gagne. Указ. раб., с. 32; M. Panoff. The notion of time among the Maenge people of New Britain.— «Ethnology», v. VIII, 1969, № 2, p. 153, 157.